

нигде и никогда не могли обеспечить народу экономическую и политическую свободу“.*

Чернопередыльцы считали, что в русском народе имеются налицо формы коллективизма и что означенные формы обеспечивают революционному движению поддержку масс; поэтому, подчеркивая значение экономической борьбы, они попрежнему ставили своей задачей массовую агитацию и пропаганду среди сохранивших коллективные формы быта крестьян. По словам чернопередыльцев, промышленное развитие России ничтожно, и потому они должны стремиться в своей практической деятельности к удовлетворению интересов земледельцев. Чернопередыльцы признавали роль рабочих в революционном движении и потому считали, что в добавление к работе среди крестьянства должна быть предпринята пропаганда среди рабочих, но распределение революционных сил должно было идти соответственно „органическим процессам“.

В программе Северного русского общества „Земля и Воля“, которую чернопередыльцы объявили своей, в таких чертах обрисовывались цели, тактика и учение чернопередыльцев о революционной роли крестьянства и пролетариата. „Так как трудящееся население центров крупной промышленности в северо-восточной России не разорвало еще связи с деревней и, кроме того, по своей малочисленности не может даже начать борьбы за свои интересы, помимо союза с крестьянством,—то, на основании всего вышесказанного, возможно скорейшее совершение ожидаемой народом аграрной революции было бы весьма существенно, как переходная ступень для полного переустройства общества на социалистических основаниях. А потому сосредоточение главных сил общества „Земля и Воля“ в деревне, с целью агитации на почве вышеуказанных требований земельного передела и организации народно-революционных сил, является одною из главнейших его задач. Необходимым дополнением к революционной деятельности в деревне—общество „Земля и Воля“ считает пропагандистическую, агитационную и организаторскую деятельность в среде промышленных рабочих“.**

§ 73. *От народничества к марксизму.* Рост рабочего движения в семидесятых и восьмидесятых годах властно заставлял

* „Черный Передел“, № 2, стр. 124.

** Там же, стр. 198.

народнические революционные группировки обратить внимание на вопрос о движущих силах революции в России. Пересмотр вопроса о живых силах революции, естественно, приводил к пересмотру вопроса о роли в революционном движении пролетариата и крестьянства. Это и было как раз тем путем, по которому часть народнических группировок отходила от своих прежних позиций, переходя к марксизму,—а марксизм, революционная теория пролетариата, срастался с революционной практикой русского рабочего класса.

Переход от народничества к марксизму шел в России двумя путями. Он переживался как теми народническими группировками, которые оставались и действовали в старой России на протяжении восьмидесятых и девяностых годов, так и теми, которые за границей воочию познакомились с рабочим движением и его теорией — марксизмом.

Первое знакомство народничества с марксизмом не привело сразу к тому, что народники стали марксистами. Современники, участники народнического движения семидесятых годов, в своих воспоминаниях передают ряд сцен, характеризующих первое знакомство участников народнических кружков с творениями Маркса, первое впечатление от „Капитала“. В народнических группировках тогда существовало мнение, что Маркс — очень ученый человек, но далеко не революционер. Один из участников народнического, а впоследствии социал-демократического, движения еще в бытность свою народником познакомился с „Капиталом“ Маркса. Вот как он описывает в своих воспоминаниях первое впечатление от этой книги. „Капитал“ он увидел у одного из крупнейших теоретиков народничества. „На мой вопрос,— пишет он,— что это за книга, этот теоретик ответил, что „автор очень ученый человек, но что он, собственно, не революционер; вот Бакунин — настоящий революционер!“ *

Таково было отношение теоретиков народничества к „Капиталу“ Маркса. Это отношение пришлось вскоре преодолеть, так как рост революционного движения рабочего класса властно ставил перед народническими группировками вопрос о роли рабочих, о роли пролетариата как революционной силы. И уже в „Земле и Воле“ статьями Плеханова начался пересмотр отношения к роли рабочих как к революционной силе. „Народная

* Аксельрод: „Пережитое и передуманное“.

Воля“ в этом смысле сделала дальнейший шаг вперед, создав свою собственную рабочую программу и организовав „Рабочую Газету“. Член Исполнительного комитета „Народной Воли“ Желябов считал необходимым сохранить рабочую организацию даже в том случае, если „Народная Воля“ в своей борьбе добьется успеха. Это было уже крупным шагом вперед в деле определения роли и значения русского рабочего класса как революционной силы.

С народниками произошла замечательнейшая вещь: в поисках революционных сил, они теоретически шли в народ, а практически принуждены были обращаться к рабочим. Они ставили вопрос о крестьянстве как основной революционной силе, о самобытных чертах крестьянского быта, как эмбрионах, зачатках социализма,— а в то же самое время в большей части своей пропаганды принуждены были сталкиваться с рабочими. Это и заставило народников в конце восьмидесятых годов довольно сильно изменить взгляд на рабочих и их роль как революционной силы, отвести ей определенное место.

Уяснение роли пролетариата как класса, которому суждено перевернуть весь мир, определялось, шло и выяснялось по мере срастания революционной теории с революционной практикой, по мере срастания рабочего движения России с марксистской теорией.

§ 74. *Возникновение группы „Освобождение труда“.* В январе 1880 году Плеханов, Дейч, Засулич и Стефанович уехали за границу. Плеханов поехал в Париж, а Дейч, Засулич и Стефанович остались в Швейцарии. Летом 1881 г. Стефанович уехал в Россию и вошел в состав „Народной Воли“. Под влиянием писем Стефановича и террористических выступлений народовольцев среди чернопередельцев господствовало сильное стремление к слиянию и общей работе с „Народной Волей“. Осенью 1881 г. в Швейцарию приехал и Плеханов. Стремление его товарищей к соединению с „Народной Волей“ и переходу к политической борьбе первое время его не очень радовало. По крайней мере, в письме к Лаврову от 31 октября 1881 г. Плеханов по этому поводу писал: „Настроение моих женевских товарищей не особенно радует меня. Оно может быть формулировано словами:—соединимся во что бы то ни стало, хотя и поторгуемся, сколько возможно. История хватает за шиворот и